

Адмиралтейская игла

Р. Д. ТИМЕНЧИК,
кандидат филологических наук

Люблю тебя, Петра творенье,
Люблю твой строгий, стройный вид,
Невы державное течение,
Береговой ее гранит,
Твоих оград узор чугунный,
Твоих задумчивых ночей
Прозрачный сумрак, блеск безлунный,
Когда я в комнате моей
Пишу, читаю без лампады,
И ясны спящие громады
Пустынных улиц, и светла
Адмиралтейская игла,
И не пуская тьму ночную
На золотые небеса,
Одна заря сменить другую
Спешит, дав ночи полчаса.

А. С. Пушкин. *Медный всадник*

Судьба поэтического произведения в потомстве — это не только эволюция его общей концепции в читательском восприятии. Это и судьба самых малых, самых дробных частей его вплоть до отдельной строчки. В эпохи цветения стиховой культуры возрастает ощущение известной самоценности одного, «вырванного» стиха. Он может осмысляться как законченный микротекст. Так было в пушкинскую эпоху. И так стал восприниматься стих в эпоху символизма — показательно, что Брюсов сделал моностих (вашумевшее «О закрой свои бледные ноги») одним из пунктов полупатажной символистской программы. Постсимволисты полюбили «отдельный блуждающий стих» и возродили классицистскую традицию «похищений» — переноса чужих поэтических строк в свои произведения. В эту эпоху пушкинский «Медный всадник» почти весь разошелся на поэтические цитаты. Больше всех, пожалуй, в этом отношении повезло 54-му стиху последней пушкинской поэмы — некогда В. Б. Шкловский назвал Адмиралтейскую иглу

«богиней цитат» (Шкловский Виктор. Сентиментальное путешествие. Воспоминание. 1918—1923, Л., 1924). «Адмиралтейская игла» — прозу под таким заглавием хотел писать Андрей Белый, а петроградские поэты начала XX века склоняли ее буквально по всем падежам (из тех, разумеется, которые четырехстопный ямб допускает для этого сочетания):

И сердце радостью трепещет,
И жизнь по-новому светла,
А в бледном небе ясно блещет
Адмиралтейская игла.

Г. Иванов. *«Опять по площади Дворцовой...»*

Петровских линий огоньки
По-прежнему глядятся в мглу,
Ты снова видишь маяки,
Адмиралтейскую иглу.

Б. Коплан. *Стансы*

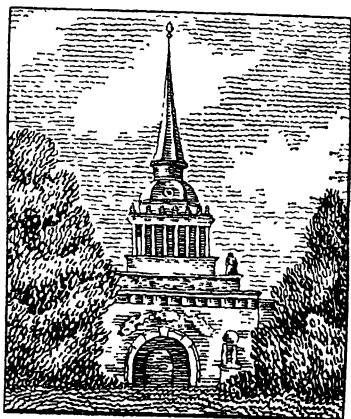
Санкт-Петербург — гранитный город,
Внесенный Словом над Невой,
Где небосвод давно распорот
Адмиралтейскою иглой!

Н. Агнiewicz. *Страшный город*

В чем таилось особое обаяние этого стиха? В нем, как нетрудно заметить, пропущено два схемных ударения четырехстопного ямба при том, что стих составлен из двух слов. Он завершает синтаксический и интонационный период. По формулировке М. Л. Гаспарова, «известно, что в ямбе и хорее от начала к концу строфы нарастает количество неполноударных строк: строфа стремится начаться строкой типа «Люблю тебя, Петра творенье», а кончиться строкой типа «Адмиралтейская игла». Такая последовательность строк воспринимается как последовательное облегчение стиха («ускорение», «заострение»). Причина такого восприятия понятна: четыре слова начальной строки требуют для своего узнавания четырех психологических усилий, два слова последней строки — двух» (Гаспаров М. Л. Современный русский стих. Метрика и ритмика. М., 1974). Ощущение «заострения» оказалось созвучным изображенному в стихе предмету — острию. Укол, «шпилька» синтаксического периода совпал и как бы проиллюстрировал лексическую тему стиха.

54-й стих вошел в самую плоть русской речи, не утратив своей почти жестовой выразительности и стиховой поступи. Наоборот, растворившись в языке, он всегда напоминает нам

о том, что существует «стихов российских механизмов». Любопытно в этой связи привести один пример из русской прозы Герой повести замечательного советского историка литературы и языковеда Г. П. Блока, двоюродного брата Александра Блока, «Одиночество» (1929), петербуржец, воспринимающий свой город «в тайном что ли восторге... да, да, в настоящем, понимаете ли, восторге, в блаженных, разрешите сказать, слезах умиления», в разлуке с Петербургом ежевечерне в белые ночи «свершает следующий обряд.

Поднимается на крыльцо со словами:

— И светла... (открывает дверь и входит в сени).

— Ад... (затворяет за собой дверь).

...ми... (щелкает ключом один раз)

...рал... (щелкает второй раз)

...тейская игла (весьма учтиво кланяется закрытой двери и даже прищелкивает каблучком)».

И впрямь для петербуржцев нескольких поколений цитирование этого стиха было чем-то вроде заклинания, обрядового призывания. Тот же Г. П. Блок вспоминал о своем дяде Александре Львовиче, отце Александра Блока: «...мы возвращались вместе в карете. Когда въезжали на Николаевский мост, Александр Львович, глядя на тот берег, сказал:

Светла

Адмиралтейская игла.

И улыбнулся смущенно» (Блок Г. Герои «Возмездия». — Русский современник, 1924, № 3). А мать Блока в автобиографическом рассказе вспоминала: «Наступала белая ночь. А я люблю белые ночи. И про себя я повторяла: „прозрачный сумрак, блеск безлунный, когда я в комнате моей пишу, читаю без лампы, и ясны спящие громады пустынных улиц, и светла адмиралтейская игла“, хотя иглы этой мне совсем не было видно» (А. Кублицкая. То было раннею весной. Из дневника. — ИРЛИ, ф. 654, оп. 4, ед. хр. 6, л. 11, об.),

Как и фальконетовский монумент, адмиралтейская игла в литературном сознании двух веков поочередно отождествлялась то с солнечным, то с лунным божеством. С солнцем и весной ее связывала давняя городская легенда о том, что ласточки, прилетая в Петербург, сначала направляются к Адмиралтейству — посмотреть, цела ли игла (эту легенду приводит в одной из своих работ краевед П. Н. Столпянский). И в литературе эта игла издавна предстает в закатном отсвете. В очерке «Одип вечер минувшего лета», напечатанном в журнале «Сын Отечества» (т. XXXV) в том же 1833 году, когда был написан «Медный всадник», рисуется вид на Петербург из Тентелева: «Вот золотой корабль Адмиралтейства реет по воздуху, чуть поддерживаемый тонким золотым лучом». И в нашем веке — в «Петроградских виденьях» Сергея Городецкого:

Бесславно час заката минул.
Последний луч вверху, средь птиц,
Корабликом своим откинул
Адмиралтейства славный шпиг.

Сознательно воскрешая традиции классицизма, поэты 1910-х годов сопрягали городской ландшафт с мифологическими реминисценциями:

Уж с улиц, прямых и пустынных,
Ночная исчезнула мгла.
Над сонмом кварталов старинных
Блеснула золотая игла.

Ночь в море, далекая, тонет,
Движенье сильней, все шумней —
То Гелиос по небу гонит
Квадригу крылатых коней.

В. Княжнин. В Петербурге

Но у золотой иглы была и «лунная» ипостась. Адмиралтейский шпиг претерпевал в российском поэтическом хозяйстве те же трансформации, что и статуя Петра, — в скольких стихотворениях, говоря словами одного поэта, «сверкает шпиг Адмиралтейства, поймав на острие луну».

Посты начала двадцатого столетия стремились втянуть медного императора в единоборство с многообличными аллегорическими противниками. Личины антагонистов конфликта разнообразны, но по большей части, царственный ездок символизировал победительный творческий, формообразующий порыв, преодолевающий косность, аморфность, морок болотных туманов. И в те же смысловые антитезы поэты вовлекали адмиралтейскую иглу:

Утраченного чародейства
 Веселым ветрам не вернуть!
 А хочется Адмиралтейству
 Пронзить лазоревую муть.

М. Кузмин. «Утраченного чародейства...»

Может показаться, что с точки зрения всего пушкинского сюжета предмет, обозначенный 54-м стихом,— это «проходная» деталь. Но «тайное сродство» с заглавным героем поэмы объясняет притягательность этой реминисценции для поэтов последующих поколений — прямо или иносказательно поименованная адмиралтейская игла метонимически обозначала весь огромный и необмерный смысловой комплекс «Медного всадника».

В «Адмиралтействе» (II) — стихотворение Бенедикта Лившица адмиралтейская игла сравнивалась с магнитной стрелкой, неизменно влекомой к «арктической цели». Но не менее «намагничивал» ее грозный ореол соседнего монумента, застывшего наездника из пушкинского ночного видения. Магический оттенок «неприкасаемости» передался от одной петербургской достопримечательности другой.

У сатириконца Петра Потемкина в поэме «На рассвете» (1911) описана летняя петербургская ночь:

Но ночи не было. Была
 На всем какая-то тревога.
 Как-будто злая недотрога —
 Адмиралтейская игла
 Улыбкой юной расцвела.

Это же определение использовано и в «Адмиралтействе» Осипа Мандельштама:

Ладья воздушная и мачта-недотрога.

Здесь и неприкасаемый предмет назван перифрастически, образ сдвигается, предвосхищая позднейшую мандельштамовскую метафору Петербурга:

И корабельный лес — высокие дома.
 Кассандре

Маршруты иносказаний, «уклонения» от канонизированного пушкинского образа многообразны. Полисемия слова «игла» открыла дорогу поэтическим каламбурам:

Дыханье бунта. Трубы. Копоть.
 Небес изодранная мгла...

Прорехи туч устала штопать
Адмиралтейская игла.

Э. Герман. *Петербург*

Это — из стихотворения начала 1917 года. А десять лет спустя Василий Князев вернул каламбур по месту правожительства — в газетный стиховой фельетон, вызванный поспешным сообщением печати о том, что обвал адмиралтейского шпиля возможен при первом же шторме. От лица всех присяжных стихотворцев он восклицал в стихотворении «Караул!»:

Ах, без иглы адмиралтейской,
Лоскутных строчек швец злодейский,
Куда я к дьяволу гожусь?

В какие-то периоды литературного процесса острое Адмиралтейства уступало в популярности другим петербургским шпилям, оставаясь при этом их литературным прообразом. Рецензент «Русского современника» (№ 4) отмечал в 1924 году штампы текущей литературы: «Здесь и блоковские ветры, и в тысячный раз потревоженный призрак Петра-строителя, и стертый от бесчисленных прикосновений Петропавловский шпиль (вариант адмиралтейской иглы)...». Во всевозможных метафорических обличьях живет *адмиралтейская игла* и в поэзии наших дней, но это уже тема отдельного разговора.

Рига

Рисунок В. Леонова

Основан
в 1967 году
Выходит
6 раз в год
Издательство
"Наука"
Москва

Научно-популярный журнал
Института русского языка
Академии наук СССР

Русская Зречь

1986 МАЙ · ИЮНЬ

В НОМЕРЕ:

РЕШЕНИЯ XXVII СЪЕЗДА КПСС — В ЖИЗНИ!

- 3 *И. Ф. Протченко.* В дружной семье народов и языков

К ДНЮ ПОВЕДЫ

- 9 *Л. А. Глинкина.* «Пишет домой война» (О письмах военных лет)

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- 15 *В. Э. Вацуро.* Из записок филолога
23 *Р. Д. Тименчик.* Адмиралтейская игла
29 *М. Ф. Мурьянов.* Пушкин о Дельвиге

К 175-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. Г. БЕЛИНСКОГО

- 33 *Л. Р. Ланский.* Белинский о слоге и слог Белинского
41 *Г. И. Довгалло.* В. Г. Белинский и наука о русском слове
49 *А. В. Огнев.* «Главный учитель родного языка — народ» (О прозе С. П. Антонова)
56 *В. И. Тищенко.* Автор «Слова о полку Игореве» в изображении советских писателей

КУЛЬТУРА РЕЧИ

- 65 *В. М. Дерibas.* Антигриппин, антикомарин...
68 *Э. А. Сорокина.* Межпозвоночный или межпозвоноковый?

- 71 СТРАНИЦА НОВЫХ СЛОВ

ЯЗЫК ПРЕССЫ

- 74 *Н. И. Орлова.* Мирная жизнь десанта

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЯЗЫКОВЕДЫ

- 77 Григорий Андреевич Ильинский (1876—1937)

СЛОВО — МОЛОДОМУ ЛИНГВИСТУ

- 82 *Е. Д. Золотарева.* Душа у В. В. Маяковского